

Глеб Иванович Успенский

Последнее средство

Кой про что

Глеб Успенский

Последнее средство

«Public Domain»

1885

Успенский Г. И.

Последнее средство / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1885 — (Кой про что)

«...В рассказе «Последнее средство» Успенский исторически правдиво показывает тяжелое положение русской деревни середины 80-х годов, создавшееся как следствие «половинчатости» пресловутой реформы 1861 года. Недостаточность земельных наделов, отсутствие сенокоса, леса, пастбищ заставляли крестьян обращаться за арендой на кабальных условиях к помещикам и кулакам типа Ивана Мироныча. Правительство Александра III в земельном вопросе стремилось поддержать дворянско-помещичье землевладение. Основание в 1882 году Крестьянского банка должно было рассеять надежды крестьян на новый передел земли. Крестьянский банк не облегчил положения среднего и беднейшего крестьянства, так как для получения ссуды требовалось известное имущественное обеспечение...»

© Успенский Г. И., 1885

© Public Domain, 1885

Глеб Иванович Успенский

Последнее средство

В новом, пахнувшем краской вагоне третьего класса было жарко натоплено; публики было мало, места для всех много, всем просторно и свободно; на двух лавках с полным комфортом расположился кондуктор: он пил чай, закусывал и в то же время составлял какие-то ведомости; несколько солдат в углу, сняв шинели и оставаясь в одних рубахах и фуфайках, играли в карты; какой-то доброволец из мещан занялся топкой печки и «накаливал» ее без всякого снисхождения.

– Так, так! – хвалили его. – Держи тепло-то ровней, оно что теплее, то лучше!

И доброволец, весь красный от жару, усердствовал из всех сил; поминутно он гремел чугунной заслонкой и швырял в огненную и трескучую пасть печки маленькие сосновые поленья.

Какой-то молоденький приказчик, какой-то молодой солдат, еще какой-то купеческого образа и подобия человек и простой мужик, примостившись у двери, отворенной в то отделение, где топилась печь и откуда шло тепло, занимались чтением газеты и разговорами. Читал молодой рослый солдат в новой красной фуфайке.

Читал он «листок», начиная с первой строчки, и, по-видимому, не желал прекратить чтения, не дочитав газеты до последней строки; начав передовицей о замыслах Англии против России, он без передышки после точки, заканчивавшей передовицу, и не меняя интонации, стал путаться языком в придворных известиях, потом в городских происшествиях, потом в иностранных новостях и, наконец, достиг судебной хроники. Слушатели очень внимательно следили за чтением и не столько за смыслом прочитанного, которого и действительно было не особенно много в листке, сколько за трудной работой, обнаруживавшейся в лице и губах не раз вспотевшего чтеца. Наконец он добрался и до конца судебной хроники, в которой очень кратко пересказан был один из многочисленных в последнее время земельных процессов и который по обыкновению сопровождается действием холодного оружия; чтец замолк, повертел в руках газету и сказал:

– Теперича – все! Пошли объявления... Надо горло прочистить, папиросочки покурить!

Чтец закурил папиросу, поразмялся. Поразмялись, поотдохнули и слушатели. Начался разговор.

– Это что же, любезный, – спросил солдата слушатель-мужичок, – что же это считается холодное оружие? И горячее, стало быть, есть какое?

– А как же! – плутиливо проговорил смешливый молодой приказчик. – И горячие есть! В законе прямо сказано: «дать ему, подлецу, двадцать горячих!..» Вот это самое и есть горячее оружие...

– Нет! – снисходительно улыбаясь и поплеывая от крепкого табаку папироски, авторитетно сказал солдат, – розги это не могут обозначать. Оружием называется ружье, и ежели, например, прикладом, то по закону оно считается холодное; а ежели зарядить и пулей или дробью плюнуть, следовательно до крови, то оружие будет считаться горячее. Потому, что ты прикладом должен его дуть плашмя, и он должен существовать опосле того в живом виде, ну а коль скоро горячим способом, так, пожалуй, и богу душу отдашь!

– А ежели саблей цапнуть? – опять вмешался мужик. – Она ведь до крови может, а горячего в ней ничего нет?

– Ну, сабля – это не пехотное дело, там другая команда. А пехотный закон – прикладом!..

Разрешив трудный вопрос и дав молодому приказчику богатую тему для подтрунивания над мужиком, перед которым теперь открылся огромный выбор по части холодного и горячего, – солдат вновь было взялся за чтение, но в это время из середины вагона поднялся какой-то

благообразный и сухонький старичок в опрятненьком мерлушечьем тулупчике, с опрятненькой козлиной бородкой и, подойдя к собеседникам, каким-то монашеским голосом спросил:

– Это кого тут... прикладом-то... в повиновение?

– Да тут мужичонки заартачились в одном месте... Ну, вынуждены были холодненьким пугнуть...

– И полегчало?

– Должно быть что поочувствовались.

– И все поняли?

– Говорят – «виноваты!»

– Ну, так!..

Старичок улыбнулся тонкой, хитрой улыбкой и, повернувшись, пошел к своему месту.

Старичок этот, один из излюбленных теперешних типов деревни – тип кулака с обличем, так сказать, «религиозно-нравственным» – сидел все время в темном уголке вагона, в том месте, где скамейки прислонены не к окну, а к глухой стене; сидел он в соседстве с таким же благообразненьким соседом той же хитрой породы, с таким же постно-хитрым лицом и в таком же опрятненьком мерлушечьем тулупчике. Оба они были несомненно большие деревенские воротилы, но из тихеньких, из «примерных» и вполне безукоризненных. Сидя друг против друга, они скромненько, с молитвой и крестными знаменьями ели какую-то булочку с икрой. И в то же время они неумолчно, хоть и совершенно беззвучно, вели беседу, а ведя беседу о своих делах, отлично, до последнего звука отчетливо слышали и видели все, что делается и говорится кругом. Бывают такие счастливые натуры: молча обделывают практические дела, «молча говорят», все видят, все слышат, знают всю подноготную и во всех отношениях неязвимы.

– Ишь ты вон! – беззвучно сказал старичок, садясь опять на свое место против своего собеседника, – уж и холодным прикладом стали припугивать! Оно давно бы пора за ум-то взяться, чем позволять мутить без толку...

– Мутят, мутят, а пользы-то никакой нет!..

– То-то и есть, что пользы нет! Знаешь ведь, чай, Ивана-то Мироныча Блинникова?

– Блинникова-то? Их ведь много, Блинниковых-то.

– Ну, Ивана-то Мироныча?.. Ну, а ежели не знаешь, так я тебе скажу: человек первеющий, вышел в люди из самой грязной грязи, привезен в Петербург был десяти годов, прямо в кабак. Побоев что вытерпел на своем веку, числа этим побоям нету! И постепенно, только единственно что с божию помощью и трудами своими, наконец достиг теперича до большой чести... И от Красного креста медаль, и патенты за пчелу, и благодарность: рыбу подносил высокой особе, двух огромнейших судаков... Попечителем числится в двадцати местах, почетным мировым судьей третье трехлетие выбирают. Четырнадцать озер арендует рыбных в разных местах... одним словом сказать – почтен и награжден за все его терпение! Так что ж они, прости господи, сказать, дьяволята, с ним сделали?

– Мужичишки-то?

– Да! мужичишки-то!.. Ведь чуть было под топор голову-то ему не подвели!.. Без всякого зазрения совести прямо так-таки его и приспособили в каторжную работу, ни за что, ни про что!

– Да как же так?

– Да вот так, что способов-то им, дьяволятам (согрешил я, грешный!), не было других, чтобы искоренить его, так и надумали сослать его в каторгу... И чуть было не сослали! Изволишь ли видеть, какая тут вышла история. Я тебе прямо скажу, действительно, ежели так сказать по правде, по совести – что мне таить? – так точно, что мужичонки эти в большой бедности существовали. Чего уж? Надо говорить правду. Опречь этих трех деревень, как Муравлино, Чохово да Ямкино, кажется, по всей нашей округе поискать, так не найдешь, то есть насчет бед-

ности. Коротко сказать – только по зимам и видят божий свет. Как замерзнут лядины, болота, ну, глядишь, и вылезают муравлинцы из своих трущоб, – кое с сеном, кое с дровами, само собой, крадеными... Да и видом-то совсем они к нонешнему народу не подходят: на голове треух, на ногах лапти, одежда домотканная, так какие-то лесовики, прости господи! Кабы не зима, не мороз, да не снег, так им бы и вовсе пропадать надо, и говорить-то по человечьи, поди, разучились бы совсем: кругом болото, топь, ни проходу, ни проезду... Так вот какое их было житье... Три-то деревеньки кое-как обселились на сухих местишках, ну, землишка кой-какая есть, самая малость. Рыбы иной раз в половодье с реки наносит в ихние болота, ну вот они летом и питаются, ловят налимов по ямкам. Бедность, одно слово! Как вышло освобождение, так помещик-то совсем забросил усадьбу да лет пятнадцать и глаз не показывал... Заложил, должно быть, в банк – кто его знает! Ну вот, покуда не было хозяина-то, мужичонки-то кое-как справлялись: лесок господский чистили исправно, избенки переправили, зимой нарубят барского леса, наташат к станции видимо-невидимо! Рубь серебром сажень березовых дров, полено – эво какое! – ни в одну печку не лезет... Да и земелька-то господская пустовала... Ну, они и земелькой не брезговали, все разодрали, распахали, покосы тоже все – и свои и господские – под одно подвели. Ну, кое-как жили, потому что хозяина не было – говорят даже, что он и из России-то ушел... Так и жили. Только годов с восемь тому назад, хватъ-похватъ, по зимнему пути въезжает в Муравлино барыня и объявляет: «Я новая хозяйка и заведу новые порядки». Подрядила мужиков на зиму лес возить, дом строить. А должно быть, были у барыни деньжонки-то. Пришла весна, пришли копачи, дорогу от усадьбы до шоссе повели, застучали топоры, живо поспел дом, скотник, все как должно. Наконец того, и агроном препожаловал. Препожаловал агроном, обошел все обворованное, всех виноватых записал, штрафы установил, везде поставил сторожей, караульщиков с ружьями, сам тоже с ружьем – бьет пулей на три тысячи шагов навывлет, – одним словом, началась совсем другая песня. Притиснул мужиков к стене, так что не повернуться – живи, где хочешь! Озлились муравлинцы, озверели... Потерпели годик кое-как, а потом и стали действовать на свой образец... Окончательно сказать, постепенно, помаленьку так подсадили господ, то есть барыню с агрономом, что не стало им житья: ни выйти, ни пройти, ни проехать: жгут, воруют, да и убить грозятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.